

APR 21 1958

НОВОЕ РУССКОЕ СЛОВО

New York
Public Library
5th Ave. & 42 St.
New York 18, N.Y.

NOVOYE RUSSKOYE SLOVO 243 West 56th St., New York 19, N. Y. Tel. CO. 5 - 5500

VOL. XLIX. № 16.831. SUNDAY, APRIL 19, 1959.

ВОСКРЕСЕНЬЕ, 19 АПРЕЛЯ, 1959 ГОДА

ЦЕНА 10 СЕНТОВ

О ГОГОЛЕ (К 150-летию рождения писателя)

В мае 1835 года Гоголь писал Пушкину:

«Сделайте милость, дайте какой-нибудь сюжет, хоть какой-нибудь смешной, или не смешной, но русский чисто анекдот. Рука дрожит написать тем временем комедию».

Пушкин рассказал Гоголю о Павле Павловиче Свиныне, как он в Бессарабии выдавал себя за важного петербургского чиновника, и только зашедши уж очень далеко (стал брать прошения у заключенных) был арестован. Другой такой случай, по словам Пушкина, произошел в городе Устюжине, когда проезжий господин, выдавая себя за чиновника министерства, обобрал всех городских жителей. Очевидно в те времена такие проделки были заурядным явлением.

Но курьезнее всего, что самого Пушкина в городе Оренбурге приняли за ревизора. Поэт приехал в Оренбург для подготовки материала о пугачевском бунте, а графом В. А. Перовским, тогдашним оренбургским губернатором, была получена из Петербурга секретная бумага, в которой Перовский предупреждался, чтоб был осторожен, т.к. история пугачевского бунта была только предлогом, а поездка Пушкина имела целью обревизовать секретно действия оренбургских чиновников.

Легко вообразить, с каким юмором Пушкин рассказывал Гоголю эту историю. Может быть, рассказывая, он тут же придумывал целые сцены и диалоги, а Гоголь подхватывал, и в его воображении уже вставали другие картины.

— «С этим малороссом надо быть осторожным» — говорил Пушкин смеясь, в кругу своих знакомых: «он обирает меня так, что и кричать нельзя!»

В дневниках Пушкина часто встречаются записи о том, как Гоголь читал ему свои произведения.

Проза Гоголя появилась раньше пушкинской прозы. «Вечера на хуторе близ Диканьки» вышли в 1831 году, вслед за тем «Повесть о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» а «Пиковая дама» была напечатана лишь в 1834 году.

Таким образом, справедливо слово Чернышевского, что Гоголь был отцом русской прозы. «Он родил натуральную школу, он вызвал нашу литературу к возможности в ней быть самобытным каждому талантливому писателю. Для этого надо было перевернуть язык».

И Гоголь перевернул его. Отличие прозы Гоголя от прозы Пушкина заключается, прежде всего, в языковом словаре.

«Словарь Пушкина», — пишет А. Белый («О мастерстве Гоголя», изд. Огиз) — «есть словарь высоко образованного интеллигента, много потрудившегося (в отцах и дедах), чтобы придать рельефную гладкость речи нашему литературному языку и этим обогатить его. У Пушкина не встретишь простонародных выражений, разве только в письмах, а Гоголь из мозаики местных и словных жаргонов, извлекает новые звуки языка. Пушкинский язык подытоживает усилия лучших русских стилистов, от Кантемирова до Ломоносова — заговорить по русски, без возврата к церковной славянщине. Фраза Пушкина корнями срощена с 18-ым веком, расцветя в 19-ом веке — она обращена «в назад». Фраза Гоголя начинает период, питающий будущее».

Эту же мысль — о Пушкине, как выразителе духа 18-го века, любил отстаивать также недавно скончавшийся в Париже проф. Модест Гофман.

Гоголь был представлен Пушкину на вечере у П. А. Плетнева в мае 1831 г., когда Пушкин приехал со своей молодой женой из Москвы в Петербург.

Личные отношения Гоголя к

Пушкину нельзя назвать очень близкими. Пушкин скорее покровительствовал Гоголю и благодаря близости своей к тогдашнему министру просвещения Уварову и В. Жуковскому, оказал ему немалые услуги. Отсюда — часто подобострастный тон обращения Гоголя к Пушкину.

«Я буду вас беспокоить вот какой просьбой — пишет Гоголь Пушкину 17 мая 1834 года — «если зайдет обо мне речь с Уваровым, скажите, что были у меня и застали меня еле живым». И дальше: «Скажите, что доктора велели ехать мне сейчас же, и что я могу весьма легко через месяц протянуть ножки» (Гоголь в ту пору собирался для поправки здоровья ехать за границу и прожил после написания этих строк 18 лет.)

«Я совершенно с вами согласен» — отвечает ему Пушкин со свойственным ему юмором — «поеду сегодня же навестить Уварова и поворю о вашей смерти. От сего незаметным и искусным способом перейду к бессмертию, его ожидающему.»

Как известно, Гоголь сжег 2-ю и 3-тью части своих «Мертвых душ». До нас дошли сведения, что Гоголь глубоко скорбел об этом, и что это огорчение ускорило его смерть. Но как высоко ценил сам Гоголь сожженные им главы своей поэмы, видно из опубликованных за последнее десятилетие переписки современников 1) А. В. Никитенко в письме к Т. Н. Грановскому рассказывает, что «когда дух его омрачился и из деятельной силы начал переходить в ка-

1) «Литерат. Наследие», том 58» Гоголь в неизданной переписке современников.

кую-то аскетическую окись, он предлагал на сохранение чисто переписанный экземпляр «Мертвых душ», совсем конченных одному из своих приятелей 2), говоря ему: «Возьми, брат, это и спрячь, мне иногда кажется, что тут есть что-то хорошее, жаль мне самому, если это пропадет». В том же письме рассказывается, что в последних частях идея «Мертвых душ» меняет свой характер, и эта одна из замечательных сторон книги. Выходит, что **мертвые души не те, которых скупал Чичиков, а души тех, у которых он покупал.** Тут сочинение становится колоссально величественным, грозным, не поэмой, как он это называл, а трагедией национальной».

Работа над продолжением «Мертвых душ» происходила в период пересмотра Гоголем всего его литературного пути. Многие внешние обстоятельства, связанные с личными переживаниями, оказывали на него болезненное влияние. К числу их надо отнести встречу со священником Матвеем Константиновским, который требовал от Гоголя отречения от искусства.

Известное письмо Белинского, адресованное Гоголю после выхода в свет «Выбранных мест принадлежит тоже к тем, еще недостаточно исследованным материалам по «делу Гоголя», которое несомненно оставило глубокий след, до конца жизни ноющую рану. Ведь на Гоголя формально бы-

2) Речь идет об А. П. Толстом, который не взял рукописи под предлогом, что в «Неаполитане» заключается все, что нужно для спасения, а по другим источникам, просто из суеверия: не хотел хранить у себя «мертвые» души.

Г. Е.

ло возведено тяжкое для всякого писателя обвинение, на которое ни он сам, ни сколько-нибудь значительные литературные круги — ни тогда, ни теперь — не откликнулись в должной степени.

И в самом деле: издавна повелось считать русского писателя жертвой самодержавной России.

«Гоголь пал жертвой самодержавия». Рассуждения на эту тему уже приелись. «Его мучительный конец был завершением горестной участи, на которую был обречен тогда писатель, посмеявшийся сказать негодующее и мужественное слово об окружающем его обществе», — это пишет советский критик Н. Л. Степанов во вступительной статье к полному собранию сочинений Гоголя (Гос. И-во, М. 1950)

Только ли самодержавия? Не лежит такая же ответственность за «его мучительный конец» и на левых течениях тогдашней общественной мысли?

Можно ли, и справедливо ли было с таким негодованием «встретить в штыки» «Выбранные места», как это сделал Белинский, когда писал Гоголю:

«Проповедник кнута, апостол невежества, поборник обскурантизма и мракобесия, панегирик татарского невежества — что вы делаете? Взгляните себе под ноги: вель вы стоите над бездною!»

И — еще раньше, в начале: (Гоголь) ...является с книжкой, в которой во имя Христа и церкви учит варвара помещика наживать от крестьян большие деньги, ругая их «неумытыми рылами». *)

Жестокие, несправедливые слова!

О Гоголе — славе и гордости России.

Георгий Евангулов

*) См. фото-копию одного из списков, воспроизведенного в Т. 6-м «Ист. Р. Литер» (стр.230)